

Предисловие к эссе Мориса Пэнге¹

МИКЕЛЬ
ФЕРЬЕ

Хорошо писать значит уметь плыть под водой, задерживая дыхание.

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Ненаходимое и неизданное: в этих двух словах описывается наследие Мориса Пэнге сегодня. Этого автора читают, публикуют, комментируют в Японии, но не во Франции, что само по себе не может не интриговать. Пэнге – один из самых ярких интеллектуалов своего поколения, почти совсем неизвестный у себя на родине; его неизвестность может объясняться как определенной узостью гексагонального мышления, так и в целом засильем «пубелликаций» в издательском мире. Уже в 1972 году, выступая в миланском университете, Лакан восклицал: «И в самом деле, в наше время возникает путаница: тем, кто привлекает публику [*fait public*], считается тот, кто пополняет мусорку [*fait poubelle*]!», – и напоминал, что эта ситуация заставила его изобрести неологизм *poubellecation*. Несколько позже, в 1978-м, ему отвечает Филипп Соллерс:

«Как видите, все эти так называемые писатели и артисты – не более, чем зомби в рыночном обмене. Когда в литературе появляется что-то по-настоящему стоящее, в режиме реального, то это никогда не совпадает с ожиданиями корпуса издателей-распространителей. Ну просто никогда. Реальная проблема – она в этом»².

К счастью, есть исключения – те, для кого издательское дело несводимо к расчету или рекламе, подтверждением чего и является данная книга [сборник эссе Мориса Пэнге].

- 1 Публикуемый текст Микеля Ферье представляет собой его предисловие к сборнику эссе Мориса Пэнге, подготовленного и изданного его усилиями: PINGUET M. *Le Texte Japon. Introuvables et inédits, réunis et présentés par Michaël Ferrier*. Paris: Éditions du Seuil, 2009. P. 7–14. Как станет ясно из предисловия Ферье, это первая подобная публикация работ Пэнге; она стала и остается большим событием в интеллектуальной культуре Франции, которая до этого была знакома лишь с бестселлером Пэнге «Добровольная смерть в Японии», переведенным на многие языки мира (среди которых нет русского), и довольствовалась отрывочными свидетельствами об этом почти мифическом авторе. Русскоязычному читателю сборник «Texte Japon» может быть знаком по изданию биографии Ролана Барта, написанной Тифен Самойо (САМОЙО Т. *Ролан Барт: биография*. М.: Дело, 2019), а также по послесловию переводчика и редактора к новому переводу «Империи знаков» Барта (БЕЛЯЕВ А., ЯНПОЛЬСКАЯ Я. *Сырая книга* // БАРТ Р. *Империя знаков*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. С. 113–138). Здесь и далее. – *Примеч. перев.*
- 2 Беседа Филиппа Соллерса с Луи Каном и Марком Девадом «Почему я столь мало религиозен», цит. по: SOLLERS P. *Improvisations*. Paris: Gallimard, 1991. В оригинале не указаны номера страниц.

Микель Ферье (р. 1967) – французский писатель, эссеист. Живет и работает в Японии, преподает литературу в университете Тюо (Токио), руководит программой исследований инаковости в современных обществах «Образы другого» («*Figures de l'étranger*»). Автор эссе и романов.

Пока же, в ожидании издания, Морис Пэнге (1929–1991) – один из самых ярких зомби нынешнего рынка. Ненаходимый и неизданный. Пугающий, ненаблюдаемый. Незабываемый, но недостижимый. Можно, конечно же, отправиться в чудесное Арденнское аббатство, чтобы увидеть его рукописи, бережно хранящиеся в сумраке сводов под присмотром ИМЕС (Института памяти современных изданий). Можно еще побегать по библиотекам и по букинистам и откопать какие-нибудь из журналов, с которыми он сотрудничал. В конце концов, никто не запрещает быстро выучить японский и поехать в Токио – именно там он возглавлял Франко-японский институт и уже там, на иностранном языке, можно прочесть некоторые из его рукописей³. В случае, если удача вам не улыбнется, то останется довольствоваться единственной книгой Пэнге, доступной сегодня во Франции: «Добровольная смерть в Японии»⁴ – его главным трудом, посвященным *сэппуку*. Этот прекрасный во всех смыслах текст отнюдь не сводится к исследованию отдельного аспекта японской культуры; это обширная и тонкая рефлексия о человеке перед лицом смерти; книга переведена и издана в Англии, Германии, Японии, Италии. От остальных текстов Пэнге никаких следов, почти никаких.

ТЕКСТ НОМАД

Но, как и всякий призрак, этот автор излучает некое свечение – везде по-разному: в Париже это слабый огонек, а в Токио – пылающее пламя. О нем говорят наперебой, по-разному разные люди – студенты, преподаватели, близкие друзья и просто знакомые, враги и критики. Никто из них не ставит под вопрос его интеллектуальную значимость, и многие настойчиво говорят об особых человеческих качествах. Курсы, которые он вел, оказали влияние на целые поколения франкоориентированных студентов в Японии (он и сейчас на устах у местных франкофонных интеллектуалов), а также и на тех, кто застал его в роли старшего преподавателя в Сорбонне в конце 1960-х. Его тексты говорят об обширнейшей эрудиции, о мощной и быстрой любознательности, о тонкости, проявляющейся в различных и не связанных на первый взгляд сюжетах, которые обнаруживают какое-то общее подземное течение – от Лакана до Достоевского через сюрреализм, от Клоделя до Рембо, Вагнера, де Сада,

3 Ситуация немислимая: на французском тексты Пэнге найти почти невозможно, зато их переводы на японский вполне доступны: они были изданы под названием «Текст Япония» (Токио: Тикума сэбо, 1987). Профессор Токийского университета Ёсикадзу Накадзи, подготовивший этот сборник, в течение долгого времени добивался французского издания: НАКАДЗИ Y. *Maurice Pinguet en japonais // Critique*. 2001. № 647.

4 PINGUET M. *La mort volontaire au Japon*. Paris: Gallimard, 1984.

Мисимы через множество эссе, посвященных японской культуре, Одзу, Дадзаю, театру Но, *икебана*.

Ровно то, что он писал о своем друге Ролане Барте, можно было бы сказать о самом Пэнге:

«Труд интеллектуала иногда сравним с оседлым методом агрокультуры: горбатишься годами на огороженном участке территории, возделываешь его в поте лица, после чего собираешь урожай с чувством собственнического удовлетворения – и все это, ни разу не подняв глаз на горизонт. Барт же работает иначе. Он блуждает, дрейфует. Он номадически перемещается из одной области в другую. Он наслаждается попутным ветром и умножает отпечатки и взаимосвязи».

ИСКУССТВО ПОРТРЕТИСТА

Пэнге рад этому блужданию и дрейфу, переплыванию от одного берега к другому – от японской культуры к французской, – умножающему параллели и следы. Впрочем, и здесь, в этих множественных бликах, прочерчиваются вполне определенные несущие и направляющие линии. Тексты Мориса Пэнге важны уже потому, что они позволяют понять историю идей в XX веке. Он оставляет очень ценные свидетельства о Барте, Фуко, Лакане. Он легко и непринужденно портретирует с натуры: Ролан Барт и его «семиология ворсинки», Лакан в образе дзэнского гуру, мастер глубоких аллюзий, не говоря уж о ярком образе молодого Мишеля Фуко в футболке и шортах, делящегося ницшеанскими откровениями на пляже в Чивитавеккье... Не превращаясь в статуи на постаментах, что с ними с некоторых пор произошло, они здесь предстают со всеми своими влечениями и опасениями, с сомнением и убежденностью. Здесь нет желания отлить их в вечности или же отскоблить пару кусочков мрамора от постаментов их величия. Пэнге умеет вернуть нам их вновь живыми, здесь присутствующими.

С этих портретов и открывается сборник текстов Пэнге. Одни из них прописаны весьма тщательно и необычно, другие лишь набросаны отдельными чертами, однако все они вместе лучше всего бы то ни было передают ту самую интеллектуальную атмосферу самого начала второй половины XX века, которая станет столь плодотворной для наиболее требовательных аналитиков и ниспровергателей – и которой так не хватает нам сегодня. «Задумчивое понимание» Барта, насмешливость Фуко, «выжигающее знание» Лакана и его утонченной речи... – словом, Пэнге умеет воссоздать эпоху мысли вместе с ее побочными ветвлениями и целями.

МИКЕЛЬ ФЕРЬЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭССЕ
МОРИСА ПЭНГЕ

НЕСРАВНЕННЫЙ ЭССЕИСТ

Впрочем, тексты Пэнге самоценны. Публикация этого сборника позволяет судить о нем как о непревзойденном эссеисте. Мудрость и спонтанность, осведомленность, не доходящая до педантизма, простота, не затмевающая блистательности, позволяют ему не прибегать к броским выражениям: он стремится одновременно к сдержанности и живости, к строгости и утонченности. На первый взгляд его письмо может показаться пресным (но это то самое искусство безыскусности, которое столь ценно в Китае и которое Пэнге освоил в совершенстве в Японии), однако очень быстро в нем обнаруживаешь неисчерпаемый клад удовольствий: оно точно выражается, элегантно движется, развивается вглубь.

Четыре критических эссе, представленных во второй части сборника Пэнге, являются исчерпывающим доказательством моих слов: будь то Клодель⁵, Камю или Мисима, будь то Достоевский, де Сад или Одзу, Пэнге-читатель в равной степени внимателен, точен, вовлечен. Эта культура чтения обширна, она питается двумя источниками: европейский классицизм (скажем, он помещает де Сада в одну плоскость с Ньютоном и Расином, напоминая, что театрализация эмоций начинается разыгрываться одновременно с выходом на сцену современных теорий математического счета) и берега Японии. Именно эта редкая двойная эрудиция – знание одновременно и Лакана, и Японии – позволило Пэнге пойти дальше интуитивного соположения Лакана с дзэном и подвергнуть его детальному анализу с конкретными примерами. Он обращается как к его теоретическим разработкам (так, например, Пэнге напоминает, что на первой же странице I книги Семинара, датированной 18 ноября 1953 года, Лакан уже отсылает к «техникам дзэн»), так и к его практике психоанализа (сопоставляя *коаны* и *сатори*), что позволяет Пэнге тонкой кистью набросать портрет «Лакана – дзэнского учителя», который многими предвиделся, но никем не прописывался столь тщательно.

ПЕРЕХОДЫ

Однако это чтение с двойной подсветкой, которая отнюдь не сводится к череде простых сравнений, богато прежде всего тео-

5 Поль Клодель (1868–1955) – французский поэт, драматург, эссеист, религиозный писатель, государственный деятель. С 1921-го по 1927 год Клодель был послом Франции в Китае и Японии. Японской культурой (театром, каллиграфией, поэзией) вдохновлены многие его произведения. Токийские размышления Клоделя о «Кабинете знаков» Стефана Малларме являются одним из прообразов «Империи знаков» Барта. См.: БАРТ Р. *Указ. соч.* С. 160. Примеч. 62.

ретическими плодами. В тексте есть странные *переходы*: Будда подсвечивает Боссюэ⁶ (Боссюэ – Будду), а обращение к Линьцзы⁷ позволяет лучше понять схоластов и Малларме. В другой раз при помощи де Сада Пэнге разоблачает в Мисиме, которого принято считать таким «типично японским» автором, «мастерское владение кодами чужой цивилизованности»: осторожно, снисходительно и вместе с тем беспощадно он прочитывает самоубийство японского писателя, связывая его романы с итальянской барочной живописью.

Урок подобных компаративизмов: новый, быстрый, перекрестный взгляд призывает вновь вступить в игру и авторов, и их идеи, возобновить их вопрошание и поиск в том промежутке времени, где мы вновь современны Клоделю и японским поэтам, французским писателям и китайским классикам, японским романистам и итальянскому Возрождению. Эта двойная подсветка включена во всех текстах Пэнге, соединяя мир молодого «нормальянца»⁸, лучшего агреже⁹ классического отделения, увлеченного итальянским искусством, а также философией и психоанализом, с миром почетного профессора Токийского университета, получившего доступ к Дальнему Востоку (буддизм, керамика, каллиграфия, прорыв к Китаю, открытие Японии). Благодаря ей Пэнге предстает прежде всего мастером подобных переходов, а его особое прочтение во многом предвещает актуальные задачи синологии, одни из самых продуктивных направлений осмысления.

МИКЕЛЬ ФЕРЬЕ
ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭССЕ
МОРИСА ПЭНГЕ

СМЕСТИТЬ ТОПОЛОГИЮ

Сборник Пэнге завершается тремя текстами, которые посвящены Японии и только ей. С Японией у Мориса Пэнге была долгая, плодотворная и абсолютно любовная связь. Сначала он преподавал французский в Токийском университете (1958–1963), потом возглавлял Франко-японский институт в Токио (1963–1968), далее – после долгой парижской паузы, когда он преподавал в обновленной Сорбонне (1968–1979), – он становится профессором Токийского университета и университета Васэда, коим остается вплоть до своей смерти в 1991-м. Все это время

- 6 Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704) – французский проповедник и богослов, писатель, епископ города Мо.
- 7 Линьцзи Исюань (яп. Риндзай Гигэн, 臨濟義玄, 810/815–866/867) – китайский наставник чань-буддизма, основатель школы Линьцзи. Позднее учение проникло в Японию благодаря монаху Эйсаю (栄西, 1141–1215). Западному читателю, вероятно, это направление буддизма более известно в его японском изводе («риндзай-дзэн»).
- 8 Нормальянец (*le normalien*) – так называют выпускников парижской Эколь Нормаль (Высшая нормальная школа, École Normale Supérieure).
- 9 Агреже (*agrégé*) – во Франции статус прошедшего конкурс (*l'agrégation*), позволяющий преподавать в лицее и на определенных факультетах высшей школы.

глубоко интересуется японской культурой и открывает ее своим современникам. Именно благодаря Пэнге в 1966-м в Японию впервые приезжает Ролан Барт, именно он будет главным редактором и продвигателем книги «Империя знаков», которую Барт, собственно, ему и посвятил. Пэнге сыграет ключевую роль и в приглашении в Японию Мишеля Фуко: они дружили еще со времен Эколь Нормаль. Благодаря этому приглашению Фуко надолго обоснуется в японском интеллектуальном горизонте, где он и теперь еще остается одной из опорных фигур; Япония в свою очередь повлияет на его ход мысли.

И в этом, кстати, наименее известный до сих пор, но очень важный аспект творчества Фуко. Пэнге оказался у истоков того направления, которое и сейчас еще только набирает силу и которое, несомненно, станет в ближайшие годы наиболее вдохновляющим полем для действия. Инициировав приезд Барта и Фуко в Японию, приняв их там, Пэнге способствовал в итоге если не расцвету, то во всяком случае зарождению того направления мысли, которое сегодня стали называть *гетеротопикой* и *гетерографикой*. Как пишет Франсуа Жюльен (на которого, как известно, особым образом повлияли и Фуко, и Барт), с этого момента становится возможным «мыслить извне»¹⁰. Или же, как пишет Барт в «Империи знаков»: «создать наше “реальное” по законам иного монтажа, иного синтаксиса; обнаружить немислимое до этого положение субъекта в высказывании, сместить его топологию»¹¹.

Оценить важность этого хода позволяют возникающие сегодня новые конфигурации понимания, которые Пэнге одновременно продвигал и предвещал. Он делал это неявно, кулуарно, отчасти в ницшеанской манере. «Самые тихие слова – те, что приносят бурю. Мысли, ступающие голубиными шагами, управляют миром», – писал Ницше в «Веселой науке». Пэнге был одним из краеугольных камней в этой новой возможности мысли.

Перевод с французского и комментарии Яны Янпольской, преподавателя кафедры современных проблем философии РГГУ

10 JULLIEN F., MARCHAISSE TH. *Penser d'un dehors (la Chine). Entretiens d'Extrême-Occident*. Paris: Seuil, 2000.

11 БАРТ Р. *Указ соч.* С. 13.